

Чуковский Корней
Иванович;
(номинарии)

Москва. Комсомолка. - 2002. - 1 апр. - С. 4.

ЮБИЛЯРИЙ

УМЫВАЛЬНИКОВ

Как сказки Корнея Чуковского запрещала Надежда Крупская

НАЧАЛЬНИК

И МОЧАЛОК КОМАНДИР

Корней Иванович — главный Айболит.

Чуковский с женой Марией Борисовной.

Дочь Лидя. Рисунок Маяковского.

“Муха по полю пошла, Муха денежку нашла”; “Я — великий умывальник, знаменитый Мойдодыр, умывальников начальник и мочалок командир”; “Добрый доктор Айболит! Он под деревом сидит. Приходи к нему лечиться и корова, и волчица...” — без этих простых строк нет детства. Они врезаются в память раз и навсегда, и кажется диким и невероятным, что когда-то жена вождя Надежда Константиновна Крупская запрещала сказки Чуковского как “буржуазную муть”.
31 марта Корнею Ивановичу исполнилось бы 120 лет. Его любимая внучка Елена Цезаревна рассказала корр. “МК” об удивительной судьбе своего знаменитого деда.

Оскорбление величества

Да, до революции Корнея Ивановича Чуковского звали Николай Васильевич Корнейчуков. Правда, под этим именем писатель не публиковался ни разу, а после победы Октября и вовсе сменил документы. Про детство будущего “папы” Айболита известно немного: его как сына крестьянки выгнали из одесской гимназии. (Однако внучка писателя склоняется к версии, что деда исключили за какой-то крамольный гимназический журнал.)

Печататься будущий классик начал с 1901 года — писал статьи о выставках и книгах. А спустя два года Чуковского послали в Англию корреспондентом “Одесских новостей”. На туманном Альбионе молодой репортер вместо того, чтобы просиживать на заседаниях парламента, пропадал в библиотеке Британского музея, отчего вскоре его отозвали на родину. Спустя еще год, в самый разгар первой русской революции, вместе с женой Марией Борисовной и недавно появившимся на свет старшим сыном Колей Чуковский перебрался в Петербург. Там он стал издавать журнал “Сигнал”, за что и был арестован с обвинениями в “оскорблении величества и царствующего дома”. Но от царской власти провинившийся литератор страдал недолго: суд его оправдал.

А дальше началась знаменитая Куоккале (будущее Репино), куда Чуковский переехал из Петербурга. Деньги на покупку дома писателю одолжил Илья Репин, с которым Корней Иванович горячо подружился, несмотря на гигантскую разницу в возрасте — больше 40 лет. В Куоккале Чуковский познакомился с Аверченко, Тэффи, Бенуа, Кустодиевым, Шалапиным, Комиссаржевской, Собиновым, Кони, Алексеем Толстым. А вот со Львом Толстым Чуковский так и не увиделся, о чем очень сожалел.

Свою первую сказку — “Крокодил” — Чуковский написал в 1916 году. Она тут же стала пользоваться невероятным успехом, но с приходом советской власти начались неприятности. Уже в 1920 году поэму назвали “сплошной болтовней”. А в 1928 году по поводу “Крокодила” выступила Крупская. Она заявила, что его “нашим ребятам давать не надо, не потому, что это сказка, а потому, что это буржуазная муть”. По сигналу супруги покойного вождя против “чуковщины” развернулась широкая кампания.

Кровожадный, беспощадный, злой разбойник Бармалей

Вслед за Крупской с благородным пролетарским протестом выступили жены видных советских руководителей, а за ними потянулась общественность. Например, в резолюции общего родительского собрания кремлевского детсада говорилось, что “книгам Чуковского не место в советском детском саду” — они не воспитывают у ребенка коллективистских и классовых начал и льют воду на мельницу врагов революции. В итоге вышел запрет на все произведения Корнея Ивановича.

Первой, еще в 1925 году, пала “Муха-Цокотуха”, которая в авторском варианте называлась “Мухина свадьба”. “Свадьбой” пришлось пожертвовать сразу, хотя Чуковский и заметил, что муха все-таки венчалась в загсе. Но чиновники в Гублите “раскусили”, будто Муха — переодетая принцесса, а Комарику — переодетый принц. Вершиной абсурда стало замечание высококравственного начальства, что Муха на картинке в книге стоит слишком близко к Комарику и улыбается ему чересчур кокетливо.

Сказка “Домок” при советской власти вышла всего один раз, в 1924 году, и больше не печаталась. Критики обвинили Чуковского, что он “вбивает в голову ребенка собственнические идеи”. Категорически запретили публиковать стихотворную версию “Айболита”. Добрый доктор появился в печати в виде отдельной книжки лишь в 1948 году. Кстати, существует интересная легенда, как Чуковский придумал знаменитого врага Айболита — Бармалея. В 1924 году Корней Иванович вместе с художником Мстиславом Добужинским бродили по Ленинграду и вышли на Бармалееву улицу. У обоих друзей появился резонный вопрос: “Кто такой Бармалей?” Чуковский предположил, что речь идет, наверное, о каком-то вельможе Екатерины II. Добужинский возразил: “Нет, это разбойник, знаменитый пират в треуголке с огромными усами. Вот и напишите-ка о нем”. Так и вышло. Несколько позже, в 1944 году, запретили военную сказку Чуковского “Одолеем Бармалея”. Да так крепко, что при советской власти она больше и не вышла. “Правда” назвала стихи “пошлыми и вредными”.

“Мойдодыра” тоже встретили в штыки: цензоры придрались к строфе “Боже, Боже, что случилось? Отчего же все кругом...” Какой может быть Бог в правоверной советской сказке?! В итоге вплоть до окончания эры социализма во всех изданиях “Мойдодыра” печаталось: “Что такое? Что случилось? Отчего же все кругом...” — при этом пропадала рифма и стихотворение разваливалось. Лишь однажды, уже после смерти Чуковского, внучка Корнея Ивановича Елена на свой страх и риск внесла в корректуру соответствующую поправку, чем спровоцировала негодование бдительной редакции.

От полной опалы Чуковского спасла его дочь Лидия Корнеевна, которая написала Горькому на Капри о травле отца и несправедливости Крупской. В ответ Алексей Максимович немедленно выступил в “Правде”, заявив, что Ленин в свое время очень ценил работы Корнея Ивановича о Некрасове. Так это было или нет, остается лишь гадать, но против подобных аргументов Надежда Константиновна возразить не могла, и запрет на имя Чуковского благополучно сняли.

Однако на том беда писателя не кончилась. В 1931 году в Крыму умерла от туберкулеза его младшая дочка Мурочка, для которой Чуковский сочинял все свои сказки. Накануне Корней Иванович написал своим друзьям: “Здесь, в Крыму, у меня умирает одна дочь, а там, в Ленинграде, вторая”. Писатель имел

в виду свою старшую дочь Лидию Корнеевну, которая тогда тоже очень тяжело болела. Не оставляли в покое и стихи. В 1936 году “праведный пролетарский гнев” обрушился на переведенные Чуковским английские песенки, среди которых — знаменитый “Робин Бобин Барабек скушал сорок человек”. Робина Бобина и компанию обозвали “ярким образцом небрежности, сюсюканья и бессодержательности”.

Позднее, в 1946 году, Чуковский попал под знаменитое постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”. После столь мощного сигнала в каждом издании принялись разыскивать и разоблачать собственных “злодеев”, памятью о пресловутой классовой бдительности. В “Мурзилке” нашли Корнея Ивановича на пару с его “Бибигоном”. Печатание сказки приостановили, что называется, на самом интересном месте, а в “Правде” появилась очередная “добрая” рецензия: “Нельзя допускать, чтобы под видом сказки в детский журнал тащили явный бред. Дурная проза чередуется с дурными стихами. Натурализм, примитивизм. Чернильница у писателя большая, а редакция журнала “Мурзилка” неразборчива”.

Но 1946 год еще впереди, а пока на дворе 1937-й, когда арестовали мужа старшей дочери Чуковского Лидии Корнеевны — известного физика-теоретика Матвея Бронштейна...

20 минут правосудия

Бронштейна “взяли” в Киеве на квартире родителей. Незадолго до того в Ленинграде разгромили местное отделение “Детгиза” под руководством Маршака, где тогда работала Лидия Чуковская. Так что во времени ареста мужа ее уже успели выгнать со службы. Мало того, сохранился документ, согласно которому Лидию Корнеевну должны были также арестовать как жену “врага народа”. Ее спасло лишь бегство из Ленинграда, на чем настоял Корней Иванович. Сам писатель принял обходиться высокие кабинеты в надежде выяснить судьбу зятя, хотя и его самого тоже могли арестовать в любой момент. Уже тогда начали ходить слухи о том, что “Тараканище” — пародия на Сталина: “Покорились звери усатому. Чуб ему провалиться, проклятому!”

В защите Бронштейна Чуковского поддержали Маршак, Вавилов, Иоффе, Ландау и многие другие. Писатель добился приема у Ульриха — председателя Военной коллегии Верховного суда, что считалось немалым; оказалось, у того жена писала детские стихи. Начали искать Бронштейна, но слишком поздно. Его уже расстреляли. На суде, который длился 20 минут, одного из столпов советской физики обвинили в индивидуальном терроре над руководителями ВКП(б), а также вредительстве в области... разведки недр и водного хозяйства. Позднее, когда Лидию Корнеевну ознакомили с документами НКВД, она обнаружила лишь одну разборчивую подпись мужа — на документе о его аресте. Все остальные были неузнаваемы. После проведенной экспертизы выяснилось, что подпись все же принадлежит Матвею Бронштейну. Остается только догадывать-

ся, какими способами их из него выбивали... В бесконечных тюремных очередях Лидия Корнеевна близко познакомилась с Анной Ахматовой. Они виделись и ранее, но теперь общее горе их сплотило. Подобно своей знаменитой подруге, дочь Чуковского писала мужу стихи:

*Я шла к Неве припомнить ночи,
Проплаканные у реки,
Твоей гробнице глянуть в очи,
Измерить глубину тоски.
О, как сегодня глубоко
Моя река, моя тоска!
...Нева! Скажи в конце концов,
Куда ты дела мертвецов?*

Пришла война. Младший сын Корнея Ивановича Борис ушел на фронт добровольцем и погиб осенью 1941-го под Москвой. Старшему сыну Николаю повезло. Он вернулся домой и написал свое знаменитое “Балтийское небо”. После войны положение Чуковских не улучшилось. У писателя тяжело заболела жена, его практически не печатали. Лишь со смертью Сталина ситуация стала выправляться.

А со второй половины 60-х годов — новая напасть. Сначала Корней Иванович с дочерью Лидией выступали по делу Бродского, потом защищали Сияновского и Даниэля, а уж совсем вопиющий случай — дали приют опальному Солженицыну в своей московской квартире и на даче в Переделкине. Однако престарелого писателя не тронули. Он умер в 1969 году. А за его дочерью “всего-навсего” установили слежку и запретили печататься. Во время похорон Корнея Ивановича власти объяв какой-то суеверный ужас. Проститься с Чуковским пускали с трудом — Шостакович еле-еле пробрался. А когда траурный кортеж проезжал мимо дачи, милиционеры переговаривались по рации: “Кортеж приближается, приготовиться ко всему!” К чему ко всему?..

Нервировали власти и частые визиты к Чуковским Андрея Сахарова с женой Еленой Георгиевной. Когда те приезжали в Переделкино, работники органов демонстративно оцепляли забор. С дачей же Чуковского вышла отдельная история. Аккурат к столетию писателя, в 1982 году, дом в Переделкине решили отобрать у семьи. После бесконечной череды судебных процессов последовали бумаги о выселении. Дело длилось несколько лет, пока ходившая по инстанциям внучка Чуковского Елена Цезаревна не упала и не сломала позвоночник. После этого Лидия Корнеевна сказала дочери: “Теперь с полным правом можешь утверждать, что дом стоит на твоих костях”. И лишь созданный на волне перестройки фонд культуры Лихачева, а позднее российское Министерство культуры спасли дачу Корнея Ивановича, превратив ее в филиал Литературного музея.

Лидия Корнеевна умерла в 1996 году, не дожив до издания многих своих книг. И так уж совпало, что нынче у Чуковских празднуют сразу две даты: 120-летие Корнея Ивановича и 95-летие его дочери Лидии Корнеевны.

Дмитрий ГУСЕВ.